

Олег Скрынник

Однокласснику

проза, стихи

Олег Скрынник
Однокласснику

«Издательские решения»

Скрынник О.

Однокласснику / О. Скрынник — «Издательские решения»,

Это книга, которую можно читать, начиная с детского сада. Школьник любого класса найдёт здесь что-нибудь для себя, а взрослый — что прочесть детям.

Содержание

То, чего ты, может быть, не помнишь обо мне	6
От двух до шести с половиной	9
Я рисую мир	13
Семья	13
Портрет	14
Домой	15
Река Урал. Весна	16
Я рисую	17
Радуга	18
Цирк приехал	19
Снеговик	20
Белые барашки	21
Кот рыжий	22
Пряха	23
Васькины сны	24
Конь и ёжик	25
Игривый гусь	26
Котята	27
23 декабря 2011, пятница	29
Три миниатюры	30
Беда	30
Кассиопея	32
Серёжа	33
Идём ко мне, синеглазый малыш	35
Ты самая нежная...	36
Я знаю	36
Иней	37
Вечерняя песня	38
Высветит луна ли голубая	39
А скоро начнутся	40
Ласковый голос, улыбки свет —	41
Сны	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Однокласснику проза, стихи Олег Скрынник

© Олег Скрынник, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

То, чего ты, может быть, не помнишь обо мне (вместо введения)

Первое стихотворение (вернее, песню) я сочинил, когда мне было 6 лет. В ней говорилось о погибшем корабле, команда которого была спасена невесть откуда взявшейся шлюпкой, но в самый момент спасения случилось вот что:

Но тут упал седой капитан.
Сказал на прощанье друзьям...

Что именно сказал капитан, мне не известно до сих пор, поэтому данными словами песня и заканчивается. Все, кому я её пел, находили это довольно забавным и вместо ожидаемого мною восхищения мужеством моряков и скорби по седому капитану раздражались дурацким смехом. С годами, однако, этот смех перестал казаться обидным. На каком-то этапе то, что творения мои смех вызывают, стало даже нравиться самому. Ещё через некоторое время понравилось находить смешное и в произведениях других авторов.

Примерно в 8 лет от роду во мне откуда-то появилась и начала стремительно прогрессировать склонность к критиканству и обличительству. Началось с того, что где-то на свалке нашёл я целую пачку глянцевого бланков «Комсомольского прожектора» и рьяно принялся использовать их по назначению (имеется в виду: рисовать, писать и развешивать на стены). Первый опыт разящей сатиры выглядел так. Во весь лист мною изображён был стилиста в ботинках на толстой подошве, в длинном галстуке и брюках-дудочках. Под ним красовалась подпись собственного сочинения:

Такие люди есть ещё у нас,
Которые воруют, пьют не в меру.
На улице встречаются не раз
В 20 веке нашей эры.

«Прожектор» я тайно вывесил на дверь нашего подъезда и исподтишка торжествовал, видя, как взрослые ухохатываются над моим творчеством. Тогда я ни на секунду не сомневался, что так на них действуют мои недюжинные способности. И только по прошествии многих лет начинаю думать, что, возможно, причина их веселья заключалась в чём-то другом...

В 12 лет я впервые пострадал за литературную – вернее сказать, за околослитературную деятельность.

А получилось так.

В последний день перед весенними каникулами кто-то из одноклассников написал на доске стишки – надо сказать, общеизвестные и ничего такого особенного в себе не содержащие. Возможно, и ты их помнишь.

Последний день, учиться лень.
Мы просим вас, учителей,
Не мучить маленьких детей.

Ниже было добавлено робким ломающимся почерком:

У них животики болят,
Они учиться не хотят.

Вошедшая после звонка учительница, в знак особой любви за глаза называемая самым сладким для ребёнка именем «соска», поставила морально ущербный 5-й «б» перед строгой необходимостью выдать злодея. Возникла неловкая пауза. Кто молчал из скромности, кто из популярного тогда ложного чувства товарищества, а кто – как ваш покорный слуга – ещё и по незнанию.

Когда стоять за толерантность уже стало неважно, из задних рядов, смущаясь, пробрался невысокий ученик по фамилии, которую я не буду называть, хотя и хорошо помню.

– А-а, так это ты-ы!

Её очки засверкали таким праведным гневом, что парень, растеряв остатки мужества, тихо пролепетал:

– Я только «живо-отики»...

– Что-о?! – воскликнула Соска, лишая чистосердечника всякой надежды на причитающееся ему по закону снисхождение. – Значит, это ты написал...

– Живо-отики, – еле слышно прошептал мальчик.

– Животики болят. И-и?!...

– И мы учиться не хотим! – сама закончила она, сообразив, что он вряд ли уже произнесёт когда-нибудь – добровольно или под пыткой – эту жуткую фразу.

Признание несчастного облегчения не принесло. Скорее наоборот. Все продолжали стоять – мы у своих парт, малолетний вандал – у осквернённой им доски. Остро пахло осознанием того, что вместо отдельно взятого негодяя тут орудует целая банда.

Если кто и выигрывал от создавшейся ситуации, так это те, кто не выучил урок, поскольку с каждой минутой вероятность того, что их сегодня спросят, снижалась, неуклонно приближаясь к нулю. Да разве ещё сама училка – подозреваю, что по той же причине.

Вот тогда-то, пресытившись затянувшейся паузой и не в силах более лицеизреть своего товарища, несправедливо несущего на себе непосильный груз ответственности, я и заявил:

– Это я.

Казните!

Читатели книги «Любить пересмешника!» могут справедливо указать на то, что там я утверждаю, будто в самом деле написал на доске те крамольные строки. Что ж, приходится признаться, что там я ввёл вас в заблуждение. Простите, братцы! Очень уж велик был соблазн примазаться к славному племени диссидентов. Это ведь так сладко – особенно тогда, когда тебе за это уже ничто не угрожает. Кроме славы и почёта, разумеется. Обалденно сладко! Спросите у кое-кого из моих старших и, как их ещё называют, – маститых коллег. Они подтвердят. А уж им-то, которые лично всё это проделывали, в данном вопросе можно полностью доверять.

В моём случае всё произошло так, как должно бы происходить в этом мире всегда. Нашёлся человек, который... Не то, чтобы уличил меня в искажении фактов, но чётко дал понять, что хорошо помнит всё это дело. И во избежание публичного разоблачения я поспеваю тут со своим признанием. Неважно, что упомянутая выше книга давно стала библиографической редкостью. Ведь она до сих пор ещё может попасть кому-нибудь в руки и стать свидетельством моего неблагоприятного поступка. А поступок этот вовсе не так безобиден, как может показаться. Он в немалой степени способствовал тому, что мы до сих пор не знаем имени настоящего героя.

Но теперь с этим наконец покончено. Где ты, мой скромный друг? Отзовись. Запоздалые награды истосковались по тебе.

Что же касается человека, побудившего меня сделать это признание... Я рад, что не ошибся, посвятив ему когда-то стихотворение, которое можно найти в полном издании данной книги.

Дорогой мой одноклассник. Разумеется, после всего ты можешь встать в позу и напомнить мне «Единожды солгав...» Прошу тебя: не спеши. Ручаюсь, что дальше всё происходило именно так, как я рассказывал всегда. Точь-в-точь.

За это дело мне поставили 4 по поведению. Надо сказать, что в те времена это было – без преувеличения! – значительно серьёзнее, чем двойки по всем остальным предметам, вместе взятым. Чтобы новому поколению было легче это представить, добавлю, что с тройкой по поведению отчисляли из школы, а двойку не ставили вообще никому. Очевидно, считалось, что эту отметку ставит уже прокурор.

Самым обидным было то, что упомянутая Соска была учительницей... по литературе. И по русскому языку. Ведь злополучная надпись – уж поверьте мне на слово! – совсем не содержала грамматических ошибок. Уж кому, как не ей, следовало бы оценить это по достоинству!

Но... Как бы там ни было, а тогдашняя обида вылилась в то, что за время каникул я переработал известную басню И. А. Крылова. Она заканчивалась – у меня – словами:

А вы, друзья, как ни садитесь,
В учителя всё не годитесь.

В первый же день последней четверти учебного года я в туалете прочёл это одноклассникам со всем артистизмом, на который только был способен, и закончил декламацию такими выражениями, которые сейчас изложить на бумаге вряд ли рискнул бы.

Следующим уроком было рисование. Учитель Алексей Петрович, человек глубоко интеллигентный, начал его с фразы, которая во многом определила всё моё дальнейшее отношение к себе и к окружающей жизни. По обыкновению, немного картавя, он сказал:

– Скрынник у нас – мастер художественного слова.

И вот это неоценимое высказывание настоящего педагога я в меру сил стараюсь оправдывать по сей день.

От двух до шести с половиной

Эта глава почти целиком – за исключением одного пункта – построена на высказываниях моей старшей дочери Ларисы. Но я помещаю её в начале книги, предполагая тем самым, что и я мог в своё время изрекать что-либо подобное. Просто оно осталось незафиксированным и потому безвозвратно утеряно для истории. Если хочешь, то можешь рассматривать главу как напоминание о том, какими умными мы были – или могли быть – в тот благословенный период нашей жизни, который обозначен в названии, пока родная школа ещё не взялась за нас как следует.

Надевают наволочку на подушку.
Мама, зачем ты подушку одеваешь?

Отец разбудил утром дочь-дошкольницу и командует:
– Значит, так. Быстро зубы чистить, умываться и завтракать.
А она ему в ответ:
– Нет уж, папочка, выбирай: умываться, чистить зубы или завтракать.

Сейчас я приду к бабушке и буду там стряпаться.
Как это ты будешь стряпать?
С тряпками играть.

Несёт в руках куклу-негритёнка.
Это мой нетигрёнок.
Ну, что ты, дочка, разве «нетигрёнок»?
А что, тигрёнок, что ли?

Смотри внимательно картинку и запоминай: это лесоруб, это геолог, а это машинист.
Запомнила?
Да! Это мясоруб, это ганиколог, а это машажист.

Дочь, не приставай, пожалуйста: у меня так кружится голова.
Отошла, посмотрела.
И ничего не кружится!

Слепила из пластилина зелёный гриб.
А почему он зелёный?
Ну, весна же пришла!

Мать приходит с дежурства.
А кто у нас вчера был?
Никого (лукавит).
А дядя Володя и тётя Люба?
А что, они следы, что ли, оставили?

Взрослая женщина:
Детей приносят аисты.
А меня дед из рода-дома принёс. Что, он аист, что ли?

Нас в садике учат ведению хозяйства. И уже в группе поставили два тазика со стерильными досками.

Не подходи к шприцу, он стерильный.
Значит, его стирать можно?

Заправь брюки в сапоги.
Нет, я хочу нараспашку.

Новый Год. Были в гостях. Услышала, что неподалёку, в ДК, – ведомственная ёлка. Засобиралась.

Куда ты собираешься? Там ведь надо стихи рассказывать, а ты ничего не знаешь.

Я знаю!

Ну, прочти.

Читает:

Дело было в январе,
Стояла ёлка на горе...

А дальше?

А дальше подарок дадут.

Просит деда:

Дед, дай Бармалею семь рублей, чтобы он ушёл!

В деревне:

Мне радуются солнышко, цветы, всякая травка. Одна крапива мне не радуется.

Съешь, дочь, эту большую клубнику. Она полезная.

Значит, в рот полезет?

– Задверьте эту дверь, а то холодно!

Гоняет голубей, греющихся на крышке люка теплотрассы.

– Не гоняй голубей: им тоже холодно.

Пускай в тёплые края улетают!

Мы сегодня ели пудинг с буквой «А».

Очень не любит носить в волосах бант. После похода в цирк (с бантом!), едва выйдя за порог, срывает его с головы со словами:

Цирк кончился!

В деревне. К заболевшей корове приехала женщина-ветеринар.

Мама, это коровий доктор, да?

Да.

А почему же она не корова?

Увидела разгружающийся самосвал.

Ой, у машины грузов отвалился!

Мама, кончай худеть! Ешь побольше хлеба – родишь мне братика.

Мама, ты куда идёшь?

На работу.

Как на работу? Ведь ты же на диете сидишь!

Гуляет с отцом и младшей сестрой. Отец:

Осторожнее, а то заберу у тебя сестрёнку и уйду.

Да, а чем ты её будешь без мамы кормить?

А я пойду к тётё Кате, у неё грудной сынишка, – вот она её и накормит.

Да-а! А у неё мальчишечье молоко!

В коридоре поликлиники обращается к женщине:

Тётя, ты что такая грустная, заразилась, что ли?

Смотрит в окно, наблюдает проходящую по двору свадебную процессию, заворачивающую за угол дома. Кричит:

Ну, что свадьба уходит? Я её ещё не довидела!

Увидела метлу, прислонённую к стене дома.

Здесь Баба-Яга живёт?

Обиделась, ушла. Через некоторое время возвращается в комнату.

Я пришла на вас не смотреть.

В гостях, в деревне.

Если будешь плохо себя вести, отошлём тебя домой.

А я в почтенный ящик не влезу!

Бабуля, ты разделишь нам корову?

Да как же я её разделю?

А так: которая голова – это вам, а которая с титями – нам.

На улице во время прогулки.

Зачем ты взяла на руки чужую кошку?

Это не чужая, это моя знакомая кошка. У меня ещё одна знакомая кошка есть.

Ложится спать с куклой-обезьяной.

Мама, укрой нас.

Кого это «вас»?

Со мной тут ещё один человек, только он пока ещё обезьяна.

Мама, можно, я в магазине буду себе брать сдачу?

А зачем она тебе?

Я хочу на сдачу братика или сестрёнку купить.

Кого тебе нужно: Машеньку или Дашеньку?

Машеньку, Дашеньку и Наташеньку.

Да что ты с ними будешь делать?

Хоровод водить.

Я рисую мир (стихи для детей)

Семья

Мама, папа, Маринка и я —
Называется это семья.

Если в школу Маринка уйдёт,
То мгновенно семья пропадёт.
То же самое будет же – ах, ты! —
Когда папа уедет на вахту.
И совсем будет плохо с семьёй,
Если мама уйдёт в офис свой.
Лишь останусь в детсадике я.
Ну, какая же это семья!

Так зачем надо всем уходить?
Говорят: «Чтоб семью сохранить».

Портрет

Рисую по памяти мамин портрет
На фоне цветов, что видны из окошка.
Глаза нарисую крупнее немножко,
А в руки пристрою огромный букет.
И, чтобы не слушать соседок вопросы,
Верну ей красивые девичьи косы.

Но мама, придя, в мой портрет заглянула
И как-то, не радостно вовсе, вздохнула.
Сказала, присев, отдыхая от дел:
– Ты новую маму себе захотел?

Да вовсе не надо мне маму другую!
Но я же художник.
Хочу – и рисую.

Домой

Зимою, летом, осенью, весной —
Всегда мы видим за своим окном:
Проносится по трассе скоростной
Автоколонна с надписью «Газпром».

Мы все, прильнувши к окнам, в этот час,
Носы расплющив, смотрим вниз и ждём,
Когда затормозит напротив нас
Один автобус с надписью «Газпром».

Когда внутри него зажжётся свет,
И из дверей повалят, наконец,
Родители Валерок, Танек, Свет...
И вместе с ними выйдет наш отец.

Мы выбегаем к вешалке встречать.
Нам наплевать, что спущены чулки.
И, чтоб удобней было доставать,
Влезаем на его мы сапоги.

А утром снова мы с сестрой проспим
Его сверхранний, затемно, подъём...

И вдруг заметим вечером одним,
Что уж свободно с пола достаём.

Река Урал. Весна

В гости к нам пришёл Урал.
На крыльце водица!
Он на льдине к нам пригнал
Зайца и лисицу.

Папа в руки взял багор.
– Во, беда какая!
Оттащу их на бугор
К дедушке Мазаю.

По двору нельзя ходить
При такой погодке!
Я Трезора покормить
Отправляюсь в лодке.

И, чтоб ей уж не идти,
Помогаю маме:
Заплываю по пути
В стайку¹ за дровами.

В гости к нам Урал пришёл.
Все на лодках сёла.
До чего же хорошо!
И не надо в школу.

Утром встали.
– Где Урал?
А Урал уже удрал.

¹ сарай (местн.)

Я рисую

Заглянул сначала папа.
– Ты зачем рисуешь шляпу?

А сосед, по кличке Сэм:
– Да не шляпа это, шлем!

Подошёл Пал Палыч строгий.
– Для чего же шлему ноги?

Постояли, погадали —
На работу убежали.
Не узнал никто, что это...
Это —
Жёлтая планета,
А на ней – ну, прямо ж вот —
Наша «шляпа» – звездолёт,
И из окон смотрим: я,
Кошка, робот и друзья.

Не могу никак понять:
Ну, чего тут объяснять!

Радуга

В небе радуга сияла.
Красотою удивляла,
Перекинувшись мостом
Над рекою и плотом.

Быстро кисточки хватаю.
В банку воду наливаю.
Краски кисточкой смочила.
Карандашик подточила
И взяла на всякий случай
В доме ластик самый лучший.
Наконец, раскрыв тетрадь,
Принимаюсь рисовать.

Но пока всё расставлялось,
Половина оторвалась,
И из чудного моста
Получилось полхвоста.

Цирк приехал

Среди музыки и смеха —
Разноцветные шары.
Цирк приехал!
Цирк приехал!

Бродят стайки детворы.
Рядом клоуны с носами,
Униформа в брюках-клёш...
Дальше уж не знаем сами —
Кто там, что там —
Не поймёшь.
Лают пухлые собачки,
Хрипло хрюкает свинья.
– Кто приехал там на тачке?
– Да быть может, что и я!

Вдруг огромный рёв раздался,
А за рёвом – сам Кинг Конг...

Но никто не испугался:
Он всем нам давно знаком.

Снеговик

Лепили мы снеговика
В саду в конце недели.
Глаза – два чёрных уголька.
На лоб ведро надели.

На лапу трость, морковку-нос
Из сумки кто-то вынул.
А я же, чтоб он не замёрз,
Ему свой шарф накинул.

Под вечер стало холодать.
Домой все убегают.
– Ты отдал шарф? – сказала мать. —
Да он же в нём растает!

«Ведь правда! Как же я забыл!» —
Бегом я возвратился.
Но снеговик стоял как был.
А шарфик испарился.

Белые барашки

Белые барашки по небу бегут.
Белые барашки по горам идут.

Горные вершины смотрят далеко.
Горные тропинки очень высоко.

Как ты различаешь, дорогой чабан,
Где баран небесный, где земной баран?

Кот рыжий

Ужасно хитрый рыжий кот
К нам приходил на Новый год.
Бывало, с праздником поздравит —
И лапы к молоку направит.
Чтоб избежать какого горя,
Его кормили в коридоре.

И больше хитрый этот кот
Не ходит к нам.
Он тут живёт.

Пряха

Под берёзой белой
Тянет нитку пряха.
Солнышко глядится
В зеркало-окно.
Начинают песню
Девушка и птаха.
Тихо подпевает
Им веретено.

Кончит песню пряха —
Будет мне рубаха.

Васькины сны

Кто ж такое, братцы, пишет,
Что котам лишь снятся мыши!

Васька мой поутру встал,
Сны свои мне рассказал.
В них и луг, и тёплый дом.
И корова с молоком.
Птицы, звери, обезьяны
И цветочные поляны.
И пуховая подушка,
И весёлая подружка.
Там каникулы сплошные!

Вот бы мне бы сны такие.

Конь и ёжик

По зелёной буйной целине
Еду я на дядькином коне.
Он меня тихонечко везёт:
Возраст у него уже не тот,
Чтобы сломя голову бежать.
Его тянет больше полежать.

Вдруг поодаль нам открылся вид:
Бедный ёжик со всех лап спешит.
Он спешит. Торопится. Куда?
Он внутри, наверно, исхудал.
Но коняке – только шаг один,
Чтоб его оставить позади.

Ёжика легко опередить,
Если на него не наступить.

Игривый гусь

У соседки бабы Дуси
Подросли за лето гуси.

Там один такой красивый,
Белый-белый и игривый.
Ходит плавно и вальяжно,
Изгибает шею важно.
На меня он глазом косит,
Крылья в стороны разносит.
До чего ж красавец-гусь!

Только я его боюсь.

Котята

Кошка уличная Валя
Родила котят в подвале.

Мы их грелкой согревали.
Мы котлеты им несли.
А котята в том подвале
Незаметно подросли.

Мы сначала прозевали,
Что котята подросли.
А они в золу попали
И испачкались в пыли.

А они забились в угол,
Паука прогнали прочь.
А они свалились в уголь,
Стали чёрные как ночь.

И когда, под дверь пролазя,
Выползли на тротуар,
Их нечаянно покрасил
Красной краскою маляр.

И вот тут-то зашумело.
Раззадорился наш двор.
– Разве виданное дело?
– На всю улицу позор!
– Разноцветные котята!
– Непременно всех отмыть!

И ребята, и девчата —
Разом кинулись ловить.

Кто в царапинах, кто в краске,
Только с горем пополам
Изловили всех. И сразу
Понесли в квартиру к нам.

Внутри ватагой завалив —
Эй, протискался, кто может! —
Весь шампунь мы извели.
Ополаскиватель тоже.

Симпатичные зверьки
Вмиг освоились, ожили.

Мы кормили их с руки,
Феном маминым сушили.

Два пакета молока
И запасы на неделю —
Мишка Быков видел, как
Это всё котята съели.

А Танюшка из восьмой,
Доедая булку с маком:
– Как хочу им когти – ой! —
Я вон тем покрасить лаком.

– Да они же убегут!
– Не пускать, чтоб не сбежали!
И чтоб полных пять минут
Лапы вверх вот так держали.

И вообще. Чтоб хоть слегка
Чистыми котята были —
Лучше, если бы пока
Тут чуть-чуть они пожили.

Мы – на улицу гулять.
А умытые котята —
Чистотою тут сиять...

То-то мама будет рада!

23 декабря 2011, пятница

Собачка добрая лежит,
Навеки здесь уснула.
Она при жизни никого
Ни разу не куснула —

Ни за обеденный кусок,
Ни за иную веру...
Господь, наверное, судил
Ей людям быть примером.

Вползла, от слабости дрожа,
В простынку как в тулупик.
Ппустила тихую слезу
И превратилась в трупик.

Три миниатюры

Беда

Сегодня я проснулся и увидел солнце. Оно было большое и ласковое. Хорошо, когда есть солнце!

Быстро надел рубашку, выпил поставленный бабушкой стакан молока и выбежал на улицу.

Солнце ударило в глаза. Я постоял немного, зажмурившись, и побежал. Бежать было некуда, но хотелось бежать!

Возле Наташкиного дома я остановился, чтобы отдышаться. А тут она выходит на крыльцо – вся аж чёрная от загара.

– Здравствуй! – кричит. А зубы так и сверкают.

– Здравствуй, – говорю. – Уже вернулась, Наташка-букашка?

Но она не обиделась. Мне стало интересно, и я подошёл поближе.

– А мы по морю на катере катались, – протянула Наташка. Ехидно так протянула.

– На катере-дядере. Наверно, на лодке с мышами, а не на катере.

– И нет! На настоящем катере. С матросами!

Мне стало обидно. Почему это девчонкам так везёт! Вот и море увидела, и на катере покаталась. А мы должны сидеть тут всё лето, таскать пескарёй на удочку и притворяться, что это акулы

Мы с Серёжкой давно решили стать моряками. Мы даже клятву такую написали и закопали за огородами, у старой осины. А она... Она и клятвы не давала, и на выносливость через речку не плавала, и рыбу сырую есть не пробовала, а вот поехала – и вперёд нас увидела море. Страшно несправедливо!

– Ну и ладно! – сказал я с досадой. – Ну и катайся на своём катере.

Я уже хотел уйти, но она схватила меня за рубашку.

– Чего тебе?

– Подожди немного. Я сейчас.

И зашла в дом.

Когда она вернулась, в руке у неё был маленький свёрток.

– Возьми. Это вам с Серёжей.

Я развернул свёрток и остолбенел. В нём была ленточка. Настоящая чёрная ленточка с бескозырки! Два золотых якоря и длинная надпись «Черноморский флот».

– Это... насовсем? – спросил я.

– Конечно, насовсем, – засмеялась Наташка и побежала к дому.

У самой двери она обернулась и крикнула, улыбаясь во весь рот:

– Моряки-буряки!

И тут страшная догадка пришла мне в голову. Это она видела, как мы закапывали нашу клятву! Она...

Я быстро побежал к Серёжке. Мы сели на скамейку, но я то и дело вскакивал и, размахивая руками, рассказывал моему другу о Наташкином злодействе.

– Надо как следует дать ей. Пусть не суёт нос в чужие тайны! – закончил я.

Серёжка протянул руку и взял у меня ленточку.

– Откуда это у тебя?

– Она дала, – буркнул я.

Он повертел её в руках, посмотрел, как надпись горит на солнце. Потом поднялся и пошёл в дом.

Я ёрзал на скамейке. Мне не терпелось пойти и взгреть хорошенько эту противную девочку.

Серёжка вышел с ножницами и прошёл в сад.

– Ты чего там резину тянешь? – закричал я на него.

– Подожди! – сердито отозвался он.

Я заглянул в сад – и только рот раскрыл. Он срезал ножницами те самые георгины, которые его мама целых два года выпрашивала у моей бабушки! Ужас охватил меня при мысли о том, как вздует его мамаша за эти цветы.

– Ты... что делаешь? – спросил я почти шёпотом

Серёжка вышел из сада, положил ножницы на скамейку, расправил цветы.

– Ну, пойдём.

– К... куда это? – тем же шёпотом спросил я.

– К Наташке, – сказал Серёжа и открыл калитку.

Кассиопея

Был скучный вечер. Мама опять была на работе. Я подошёл к аквариуму, покормил меченосцев. Немного посмотрел, как они втягивают в себя крошки, и улёгся на диван.

Спать не хотелось. Я встал, вышел в коридор и подошёл к двери нашей соседки тёти Иры. Дверь была заперта. Я с тоской подумал о весёлых зверятах, которых она всегда рисовала для меня, и вернулся в комнату.

Там было по-прежнему тихо и скучно. На стуле лежали мамины спицы и клубок. Они были холодные.

Я накинул куртку и тихонько вышел на лестницу. Там было темно. Я спускался осторожно, почему-то стараясь не шуметь.

Вдруг внизу послышался шёпот:

– А вон Кассиопея.

– Где? – отозвался другой голос.

– Да вон же.

Послышался тихий смех.

Я спустился пониже и в синем квадрате двери увидел двоих. Они стояли, обнявшись.

– Мне пора, – тихо сказал мужчина.

Женщина прижалась к нему щекой. Я узнал тётю Иру.

– Я буду ждать тебя. Я очень буду ждать, – прошептала она.

Я очень не хотел, чтобы меня заметили, и стал возвращаться. Кассиопея... Какое странное слово! Что же это такое? Мне подумалось, что так зовут какую-то добрую-добрую женщину. Таковую, как моя мама. Или как тётя Ира. Но почему же она ходит по ночам? Наверное, работает в ночную смену, как мама. Да, но почему же её не смог рассмотреть тот мужчина?

И тут я всё понял. Конечно же, это добрая старая волшебница! И видеть её могут только такие же добрые и славные женщины, как она сама. И мама, наверное, всегда разговаривает с ней, когда идёт с работы. А она охраняет маму, чтобы никто не мог её обидеть.

Мне стало легко и радостно. Я прошёлся несколько раз по комнате и вышел в коридор. Очень хотелось рассказать кому-нибудь о своём открытии.

Вошла тётя Ира.

– Димка ещё не спит?

Я подошёл к ней вплотную.

– Тётя Ира, а мама совсем не боится возвращаться ночью с работы, потому что её охраняет Кассиопея.

– Кассиопея?

Она подозрительно посмотрела на меня.

– Да. Это такая добрая-добрая волшебница, её могут видеть только такие же добрые тёти, как она. И она всегда разговаривает с мамой про магазины и про книжки, чтобы ей не скучно было идти одной. А если кто к ней полезет, то она его – раз! – и превратит в скамейку. Я сам видел такие.

Тётя Ира рассмеялась громко и весело. От смеха у неё на щеках появились глубокие ямочки.

– А ты её когда-нибудь видел? – спросила она наконец.

Я грустно покачал головой.

– Ну, так смотри.

Она подвела меня к окну и указала на горстку сияющих звёзд.

Серёжа

Моя бабушка живёт далеко-далеко. Мама говорит, что на краю света.

Когда я, мама и бабушка шли со станции, я спросил:

– Бабушка, а где ты живёшь, как называется?

– Лазо, сынок. Всё это Лазо.

Она повела рукой, указав на маленькие домишки, лес и озеро.

Я бежал вприпрыжку и думал: «Значит, край света называется Лазо. Значит, край света Лазо называется!» Мне было весело. Дома я немного боялся ехать на самый край. А здесь, оказывается, никакой и не край, потому что свет от солнца совсем и не с краю, а везде. Так же, как и у нас.

Дома бабушка усадила нас за стол.

– Ну, отобедаем, страннички вы мои. Вот картошечка, вот варенье из голубицы.

Варенье мне не понравилось: кислое.

Я вылез из-за стола и попросился на озеро.

– Сходи, сынок, – сказала бабушка.

– Только не купайся! – крикнула вслед мама.

У озера росла высоченная трава и летало множество необычных красных стрекоз. Я пошёл по узкой и сырой тропинке – и вдруг наткнулся на чью-то удочку. Но не успел я взять её в руки, как на меня с кулаками налетел кудлатый мальчишка.

– Чужая удочка, чего хватаешь? – закричал он и больно стукнул меня по шее.

Я толкнул его обеими руками, не выпуская удочки, и она сломалась.

– Ах, ты так! – закричал мальчишка и так толкнул меня в грудь, что я отлетел на несколько шагов. Очень хотелось убежать, но было стыдно.

И тут из-за моей спины раздался девчоночий голос:

– Серёжка, бесовестный, зачем обижаешь мальчика?

– А чего он чужие удочки хватает! – огрызнулся Серёжка. – Я тебе ещё покажу! – пообещал он и пошёл прочь, неся в руке половинки сломанной удочки.

Я повернулся и пошёл назад.

– Ты к кому приехал? – крикнула вдогонку девочка.

Я ничего не ответил. Я даже не обернулся. Очень хотелось плакать.

– Что с тобой, Митя? – испуганно спросила бабушка, когда я пришёл домой.

Я уткнулся лицом в её живот и заплакал.

Вошла мама.

– Кто это тебя?

А я только всхлипывал и кряхтел: «Серёжка... Серёжка...»

– Да чей Серёжка-то? – всполошилась бабушка. – У нас тут каждый второй – Серёжка. Ты только скажи, чей он, я ему задам жару-то. Я ему задам!

А мама спокойно сказала:

– Вот и хорошо, что каждый второй. И наябедничать не удалось. Ничего страшного, мама. Сам, небось, и виноват. Иди в другую комнату и успокойся! – строго сказала она мне.

Я ушёл в другую комнату и уселся возле открытого окна. Во дворе огромный паук ползал по паутине, которую он приладил к крыше сарая и старой бочке. Я стал наблюдать за ним и успокоился.

Послышался тихий шорох, и во дворе очутился белобрысый мальчишка с круглым лицом.

– Ты откуда? – спросил я его.

Он показал на соседний дом.

- А что здесь делаешь?
- Так... Ты к бабе Кате приехал?
- Да.
- Грушу хочешь?

Он достал небольшую зеленоватую грушу и кинул мне. Груша оказалось кислой, но я съел её всю.

- Хочешь, завтра вместе пойдём? Я место знаю – там их пропасть.

- Хочу, – сознался я.

– Тогда я зайду завтра, – сказал он и начал уходить. У самой калитки он обернулся и сказал:

- А как тебя зовут?
 - Меня Дима. А тебя? – крикнул я ему.
- Он улыбнулся во весь рот и сказал:
- Серёжа.

Идём ко мне, синеглазый малыш

Идём ко мне.
Видишь, солнце по гребням крыш
Плывёт в вышине.
И, подставляя под жар его огромные бока,
В светлом небе тихо висят калёные облака.

Видишь: река утомилась бежать,
Морщить лоб от обид
И стала прекрасной как юная мать,
Что тихонько спит.

Будет и трудно тебе, мой друг,
Но не беда.
Не суетись,
Без мелочных мук
Живи всегда.

Ты самая нежная... **(лирика)**

Я знаю

Теперь я, конечно, всё знаю:
Это было ещё до Христа,
На Синае.
И в цветущем и буйном седом Вавилоне
Или в юной Элладе,
Где мечутся кони.
И в далёком Гонконге,
Где копррой пропахшие джонки,
И в изысканной Вене,
В бетховенском Бонне,
На Гаити
И в Сьерра-Леоне.
На Кавказе,
Где башня стоит над ущельем,
И в парижской мансарде —
Палитра, свеча и похмелье.
На норвежских камнях,
Где меж сосен струится ручей.
В жёлто-серых степях,
Среди солнца палящих лучей.

Белый фартук, портфель,
Где резинка в кармашке.
В букваре —
Стрекозиные крылья ромашки.

Иней

Испаряясь, дымятся слова
И на пальцы ветвей опадают.
Что таит в себе эта канва?
Что здесь спрятано? Кто угадает?

Мимо – топот и смех детворы,
Мимо – сумки, бисквиты и кремы...
Только эти слова до поры
Остаются недвижны и немы.

Но утихнет мороза нитьё
В золотистом дыхании апреля,
И нечаянно имя своё
Ты услышишь в разливах капли.

Поглядишь с удивленьем вокруг
В мире солнечных галлюцинаций,
И прохожий, заметив испуг,
Вдруг начнёт над тобою смеяться.

Ты в ответ улыбнёшься едва,
Лишь искринки в глазах засияют...

Испаряясь, дымятся слова
И на пальцы ветвей опадают.

Вечерняя песня

Переулками нашей любви
Бродит гулкое эхо – лови!

Это отзвуки наших шагов
Мимо тёплых уснувших домов.

Ослепительный луч впереди
Тронул чёрное небо – гляди!

Это, нашим дыханьем согрет,
Высек воздух таинственный свет.

В нём чуть-чуть покачнулась зима,
Будто мёрзнуть устала сама.

Скоро солнца засветится край
В тёмном бархате неба – встречай!

Высветит луна ли голубая

Спустится ли слякотная тень —
Будь спокойна, тихо засыпая,
Чтоб с улыбкой встретить новый день.

Пусть в нём будут хлопоты, тревоги,
Грусть, досада за неверный шаг...
Только будь спокойна. И дороги
Непременно выйдут на большак.

Может, набежит тоска тупая,
Голова опустится до плеч...
Только будь спокойна, засыпая:
Новый день – преддверье новых встреч.

А скоро начнутся

Начнутся дожди,
Придёт и серость, и слякоть.
Угрюмо качнутся,
Качнутся листы
И, падая, будут плакать.
И я на беду,
На беду я пойму,
Что всё же случилось со мною:
Что я пропаду,
Пропаду без тебя,
Не смог я сказать весною.

Ласковый голос, улыбки свет —

Моя любимая девушка.
Свежеросный прохладный рассвет —
Моя любимая девушка.

Жемчуга луч в бирюзовой мгле —
Моя любимая девушка.
Юный побег на иссохшей земле —
Моя любимая девушка.

С ветром влетает в окно ко мне
Моя любимая девушка.
Светит звёздами глаз в вышине
Моя любимая девушка.

Туман тоски, что скрывает глаза, —
Моя любимая девушка.
В полдень с листвы исчезает роса —
Моя любимая девушка.

СНЫ

Ты говорила, нельзя жить воспоминаниями. Воспоминания как сны: человек не живёт, когда погружается в них. Но что делать, если в снах я вижу лучшую часть жизни, ту, которая не сбылась и неизвестно, сбудется ли ещё.

Я и девушка. У неё белые светящиеся волосы. Серые глаза смотрят прямо и спокойно. Мы встретились впервые, но я знаю, что могу сказать ей самое сокровенное, не пугаясь сложности и скованности.

Но во сне люди немые.

День ослепительно солнечный. Горячий ветерок гонит воду в неглубоком бассейне, и свет собирается на дне его в узоры, похожие на пчелиные соты. Они объёмны, почти осязаемы. Молниеносная пташка на лету снизилась к поверхности и резанула её крылом.

Роскошно цветут канны. Они как огромные банты, повязанные на концы рапир. Я сломил одну шпагу. Девушка взяла цветок, и в волосах её загорелись оранжевые звёзды.

За парком загудел троллейбус. Мы побежали. В решётке ограды запрыгала зелень.

В троллейбусе душно. У окна стоит маленькая девчушка в красном платице и тарашит на нас глазёнки. От неё пахнет клубникой.

Мимо бегут старые дома с ворчливыми дверями. Кольцами блеснули лужи на асфальте.

А воспоминания посещают меня всё реже. Я забыл твой голос, походку, овал лица. Но до сих пор помню один из наших вечеров.

Мы шли по аллее. В люминесцентных лампах копошились ионы. Я сказал тебе об этом, и ты засмеялась.

У твоего дома мы попрощались. Ты бежала по лестнице. В бетонной тишине подъезда раздавались выстрелы твоих каблучков.

Хлопнула дверь.

Я не люблю двери. Они крадут у человека мир. Я не могу понять людей, отгораживающихся ставнями от полыхающих августовских закатов.

От твоего дома я ехал последним троллейбусом. В нём ещё жил запах нагретого металла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.